

Болдырева Вера Геолоновна

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В РУССКОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

В настоящей статье делается попытка рассмотрения особенностей русского свадебного обряда на территории Среднего Прикамья сквозь призму межэтнических взаимодействий. Воздействие удмуртской среды на русскую культуру до сих пор не привлекало к себе внимания исследователей. Результаты сравнительного анализа русского и удмуртского свадебных обрядов позволяют сделать некоторые выводы по этому вопросу на уровне закономерностей общего порядка, среди которых можно выделить действие двух механизмов - стабилизирующее воздействие финно-угорской среды на русскую фольклорную традицию и актуализацию архаичных мотивов, что проявляется в акциональном, предметно-атрибутивном, вербальном и музыкально-исполнительском кодах обряда.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 40-43. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 7; 18:7.01

Искусствоведение

В настоящей статье делается попытка рассмотрения особенностей русского свадебного обряда на территории Среднего Прикамья сквозь призму межэтнических взаимодействий. Воздействие удмуртской среды на русскую культуру до сих пор не привлекало к себе внимания исследователей. Результаты сравнительного анализа русского и удмуртского свадебных обрядов позволяют сделать некоторые выводы по этому вопросу на уровне закономерностей общего порядка, среди которых можно выделить действие двух механизмов – стабилизирующее воздействие финно-угорской среды на русскую фольклорную традицию и актуализацию архаичных мотивов, что проявляется в акциональном, предметно-атрибутивном, вербальном и музыкально-исполнительском кодах обряда.

Ключевые слова и фразы: Среднее Прикамье; русская свадебная традиция; межэтническое взаимодействие; актуализация архаичных мотивов; коды обряда; типы стихосложения; формы напева.

Болдырева Вера Геоловна*Удмуртский государственный университет**bold@udm.ru***МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В РУССКОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ
НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ[©]**

«Среднее Прикамье – один из полиэтнических регионов России: на его территории проживают более чем 100 этносов и этнических групп. С древнейших времен он являлся зоной этнокультурных контактов. Удмурты, представлявшие в I тысячелетии основную массу жителей, контактировали на юге с тюркским миром, на западе – со своими ближайшими родственниками по языку и культуре – коми-зырянами и коми-пермяками, на востоке – с обскими уграми» [2, с. 3].

Появление русских на этой территории началось в XIV-XV вв., но самый большой их приток связан с XVIII-XIX вв., когда крупная судоходная река Кама и прилегающие к ней территории привлекли внимание уральских промышленников. «Русские поселения возникали на свободных территориях, но очень часто вблизи удмуртских деревень. Колонизация исподволь вела к формированию этнической чересполосицы, которая стала свойственна удмуртским уездам в первой половине XIX в. Постепенно между этносами завязывались экономические и культурные связи. Это сказалось в быту, одежде, обрядах, языке» [Там же, с. 46].

Вопросы, рассматривающие влияние русского начала на удмуртское этническое пространство, занимают определенное место в работах исследователей удмуртской традиционной культуры, тогда как воздействие удмуртской среды на русскую культуру до сих пор не привлекло к себе внимания исследователей. На наш взгляд это связано с недостаточной степенью выраженности происходящих изменений, неуловимостью самого процесса, что, в конце концов, приводит к трудности его фиксации.

Д. К. Зеленин, интересуясь происхождением родного Вятского края и отмечая скудость материала по этому вопросу в исторических источниках, писал в 1906 году: «...но ведь если нет прямых свидетельств, то нужно привлечь косвенные» [5, с. 153]. В рамках настоящего исследования мы привлекаем в качестве косвенных свидетельств действие двух механизмов:

- стабилизирующее воздействие финно-угорской среды на русскую фольклорную традицию;
- актуализацию архаичных мотивов.

Русский свадебный обряд, который как нельзя лучше отражает этническую историю восточных славян и особенности их проживания, может служить объектом для такого рода наблюдений. Необходимо оговориться, что многие представленные в настоящей работе положения носят гипотетический характер.

Русская свадебная песенная традиция среднего течения реки Кама складывалась как многосоставное явление, интегрирующее разнородные элементы, привнесенные несколькими волнами русского переселения из разных регионов России. Подобно другим песенным системам позднего расселения русских (Среднее и Нижнее Поволжье, Урал, Сибирь), среднекамская традиция вобрала в себя несколько песенных стилей разных регионов России, локальные особенности которых сгладились в результате длительных контактов. Можно говорить о том, что традиции, возникшие в разное время и в разных местностях, слились в единый, сходный для всех русских комплекс, обнаруживающий различия в некоторых его составляющих.

При изучении этнографических аспектов бытования свадебного обряда на территории Среднего Прикамья, перед нами предстал достаточно сформированный ритуал, относящийся, в свете принятой типологии, к типу свадьбы-веселья.

«Облик свадьбы *восточнославянского Запада* (укр.: *весілля*; белор.: *вяселле*) определяет коммуникативно-обменная модель переходного ритуала. В ней основное место занимают обрядовые акты, фиксирующие контакты двух сторон – стороны невесты и стороны жениха: разного рода встречи, переезды, торги и выкупы, одаривания и угощения друг друга и т.п.» [3, с. 26]. Каждый из признаков на нашей территории выражен достаточно полно, однако, встает вопрос об истоках формирования этого типа свадьбы. Исходя из исторических данных, можно говорить о доминировании на территории Среднего Прикамья северорусских метрополий,

что подтверждают данные анализа музыкального и вербального кодов обряда. Однако акциональный код обряда, а также приуроченность свадебных мелодий и характер связанных с ними словесных текстов разрушает сложившиеся у нас представления о типе свадьбы-похорон, характерном для Русского Севера. Это обстоятельство позволяет предполагать об иных истоках формирования в русском свадебном обряде Среднего Прикамья ярко выраженной коммуникативной линии, а именно – отражение контактов с финно-угорским этносом. Много, что мы наблюдаем в местном русском свадебном обряде, присутствует в удмуртской традиции – многократные перемещения родственников двух сторон, проведение совместных пиров. «Основной, центральный этап, ядро свадебного цикла, собственно свадьба включает пир в доме невесты и ее родственников – *сюан* и его продолжение в доме жениха, которое либо имеет традиционное название (*бѳрысь*), либо нет» [6, с. 26].

Русско-удмуртские связи осознаются и самими информантами: *Раньше-то ходили как? Вот, например, мы приехали из Романово, и сколько родни есть (у жениха) в Светлой, в деревне, каждый собирал стол. Большой стол. У удмуртов тоже так же. Вот, например, у жениха посидели, вот идѳм в другой дом. Там посидели, например, у тѳтки, к другой тѳтке, так вот невесту водят* (с. Светлое Воткинского р-на).

Косвенным подтверждением влияния удмуртской традиции являются и некоторые архаичные детали, актуализирующиеся в местной свадьбе. К ним мы можем отнести обряд хождения молодухи за водой, который в исследованных традициях до сих пор проводится повсеместно. Сейчас это превратилось в веселую игру-кутерму, но есть еще люди, которые помнят, что когда-то это проходило иначе – серьезно. Подобный обряд у удмуртов означал знакомство молодушки с новой водой. Река (колодец, родник), согласно мифологическим представлениям, должна была принять ее, признать своей.

На интересные русско-удмуртские параллели нас выводит и предметный код. Плетки – распространенный атрибут русской свадьбы, однако сам вид плеток, а так же удмуртские «подсказки» помогают «вспомнить» заложенный в них сакральный смысл эротической направленности. Существует особая технология изготовления плеток для дружек. *Делали их из тряпочек всяких, разделяют – и она хохлатая вся. Шиивают ее на палочку, и она кудрявая* (с. Михайловка Камбарского р-на). На вопрос же, почему они должны быть такими, информаторы смущенно смеются... *догадывайся, мол, сама...* У удмуртов до сих пор во время осеннего ряженья (Портмаськон), изобилующего эротическими мотивами, непременно присутствует кнут или плетка.

С точки зрения музыкального наполнения свадебного обряда, в Среднем Прикамье локализируются три стилистические зоны, конгруэнтные трем волнам русского переселения: Сарапульская – XVI-XVII вв., Воткинская – XVII-XVIII вв. и условно названная нами Вятской зона чересполосного проживания русских в традиционно удмуртских районах – конец XVIII – начало XIX в.

Сарапульская традиция, на рассмотрении которой основаны положения настоящего доклада, оказалась ареалом существования достаточно небольшого, устойчиво повторяющегося корпуса политекстовых и монотекстовых напевов. «И теоретически, и практически двух политекстовых напевов достаточно для функционирования ритуала – один будет маркировать обрядовые акты инициационной линии, другой – контактно-коммуникативной» [3, с. 14]. Подобное замечание вызывает параллели с удмуртской свадьбой, «Свадебная песенная традиция удмуртов представлена двумя группами напевов, образующих ядро данной песенной системы. Это – *сюан гур* (напев пира *сюан* в доме невесты), который исполняет родня жениха – *сюанчи*, и *бѳрысь гур* (напев пира *бѳрысь* в доме жениха), исполняемый родней невесты – *бѳрысьес* или *бѳрысьчи*. В этнографической и этномузыкологической литературе по удмуртской свадьбе определения *сюан* и *бѳрысь гур* исследователи переводят и именуют как «напев рода жениха» и «напев рода невесты». В обоих случаях напевы выполняют одну из доминирующих функций удмуртской свадьбы – коммуникативную [6, с. 40].

В интересующей нас традиции мы обнаружили четыре напева с групповой приуроченностью текстов, являющиеся обязательными для свадебного обряда. Анализ текстов показывает, что два первых напева обслуживают линию инициации невесты, два других – линию контактов. Однако по народной терминологии все они маркируются как величальные, т.е. принадлежат контактно-коммуникативной линии. Интересен также факт осознания народными исполнителями сходства напевов. *Ну, мотив везде одинаков, почти у всех одинаков. Смотря по песне – где-то она побыстрее, где-то попротяжней. Почти все песни на один мотив, каждое предложение повторяется дважды* (с. Светлое Воткинского р-на).

Корпус основных напевов в традиции оказывается расширенным за счет привлечения вторично приуроченных песен других жанров. Их основу составляют песни с ярко выраженным кинетическим началом. Хороводный комплекс с выделением скорых хороводных песен является музыкально-стилевой доминантой Среднего Прикамья, что также выводит нас на вопросы межэтнического характера, поскольку потребность в общении с другим этносом реализовывалась в основном на игрищах и вечерках. *Раньше в деревнях кипела жизнь, собирались люди из разных починок на «вечорку» (нередко приходили и удмурты, и татары...), где постепенно находили общий язык* (п. Игра).

Основываясь на косвенных подтверждениях существования у русских, проживающих на территории Удмуртии, черт удмуртского влияния, мы произвели анализ свадебных песен на уровне ритмической организации стиха и напева и попытались сравнить их с текстами предположительных метрополий: «...только зная, кто именно, с какими данными пришел в известный край, можно судить о том, как повлиял на переселенцев новый край, чем они позаимствовались от своих новых соседей» [5, с. 152].

В результате анализа ритмической организации стиха выявились следующие отклонения, свидетельствующие, на наш взгляд, о вторжении иноэтнических поэтических закономерностей. Прежде всего, это разрушение ритмического строя, поскольку подавляющее большинство текстов имеют нестабильную организацию.

Изменения могут быть связаны как с увеличением, так и с уменьшением количества слогов.

Стих с формулой (5-8) + 4₍₃₎ встречается в песенных текстах Воткинской традиции:

У нас |Маня-то |да го|дубка, 5+4
 И|вановна |да си|зая. 4+4
 Поса|дили голубку |в тем|ницу, 7+3
 Накор|мили голубку |пше |ницей. 7+3
 Напо|или голубку|во|дницей, 7+3
 Ишо |тою водой|медо|вою. 6+4

Анакруза первой стиховой группы постоянно, изменениям подвергается следующий ее сегмент, количество слогов в котором колеблется: 3-4-5 слогов.

Вторая слоговая группа достаточно стабильна, изменениям подвергается лишь первая ее часть (в сторону уменьшения количества слогов).

В других случаях с увеличением количества слогов первая слоговая группа приобретает еще одно ударение и может разделиться на две – каждая со своим ударением:

[Ой], рядом, рядом |друженьки| ехали, 7+3
 Не у |белой-то бер|ёзоньки | верх |сломали, 5+4+4
 Рас|ти же ты, бе|рёзонька, |без верху, 4+4+3
 И жи|ви же-то, Ма|русенька, |без |тятеньки, 4+4+4
 Без родимой-то, [да] | без |мамоськи... 5+4

Нестабильными являются и тексты тонической организации. В ряде текстов при увеличении числа слогов в стихе свыше одиннадцати в нем постоянно возникает помимо двух главных ударений (на третьем или пятом от начала и третьем от конца стиха) третье – в промежутке между двумя крайними:

[Ой, да] не бывала-жо кня ...князя свашенька	4.2.3.2	14
[Ой, да] у ...у меня горькой за, за да, занавесу	4.2.2.2	13

Появление дополнительного ударения приводит к возникновению постоянной цезуры, что выявляет в стихе черты силлабики (5+5):

[Ой, да] не бывала-жо кня ... князя свашенька	2.4.2	5+5
[Ой, да] у ...у меня горькой за, [за да], занавесу	2.4.2	5+5
Не ветром двери отворилися,	2.4.2	5+5
На пятау двери становилися	2.4.2	5+5

В целом ряде поэтических текстов структуры в результате появления цезуры отчетливо проявляются следы силлабической организации:

1. Что из горницы в горницу,	2.2.2	5+3
Из холодной во теплую.	2.2.2	4+4
2. Из холодной во теплую,	2.2.2	4+4
Тут ходила, гуляла.	2.1.2	4+3
3. Тут ходила, гуляла	2.1.2	4+3
Молодая боярня.	2.2.2	4+4

В работе об удмуртской песне, написанной 80 лет назад Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд, силлабика выделяется в качестве основного типа стихосложения: «Для ритмической структуры удмуртского народного стиха характерно четкое расчленение стихотворной строки постоянными цезурами на несколько мелких слоговых групп...» [1, с. 19]. Таким образом, можно поставить вопрос о влиянии финно-угорской среды на процесс вторичного складывания ритмической структуры русского свадебного стиха Среднего Прикамья.

С точки зрения организации музыкальной ритмики выявлено ее 11 типов (без учета модификаций). Это синтез песен двух регионов: северорусского, представленного неравномерно сегментированной (3 напева из 11); равномерно сегментированной ритмикой (3 напева из 11); южнорусского, выраженного через цезурированные формы (5 напевов из 11). Изначально уравновешенная конструкция, в народных авторских редакциях оказывается разрушенной, т.к. в пении певцы тяготеют к явной цезурированности. Более того, в некоторых классических образцах равномерно сегментированной ритмики проявляется та же тенденция. Таким образом, удельный вес ритмических типов традиции оказываются перевешенными в сторону цезурированности, которая, как мы знаем, является главной особенностью традиционной удмуртской песенности: «напев связан с текстом по строфическому принципу и расчленен постоянными цезурами, разделяющими каждую строку стихотворной строфы <...> Пропорции временных музыкально-ритмических отношений выдерживаются почти математически точно и являются определяющей закономерностью музыкальной ритмики – ее исходной музыкально-ритмической нормой» [Там же, с. 21].

При нотировании песенных образцов свадебного фольклора наше внимание привлёк факт прозрачности полученной графики, свидетельствующей о простоте, четкости и неразвитости напевов. Руководствуясь мыслью Климента Васильевича Квитки, о том что «...регресс может проявляться в виде негативной эволюции и создавать новые, еще неизвестные формы или состоять в ассимиляции с чужим, более низким типом, а там, где наступает истощение творческих ресурсов после кульминационного момента, при нисходящем движении от этого творчества остаются не те элементы, которые господствовали при движении восходящем» [7, с. 19],

мы приходим к выводу о том, что в результате взаимодействия с удмуртской песенной традицией мог произойти своеобразный регресс музыкальной ткани песен свадебного обряда.

Итак, в традиционной культуре русских Среднего Прикамья нами были выделены некоторые факты, свидетельствующие о влиянии удмуртской культуры на русскую. В дальнейшем мы планируем развить эти мысли.

Список литературы

1. Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. Удмуртские народные песни. Ижевск, 1989. 80 с.
2. Гришкина М. В., Берестова Е. М. Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI – первой половине XVIII века. Ижевск, 2006. 82 с.
3. Ефименкова Б. Б. Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: введение в проблематику // Музыка русской свадьбы. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. 62 с.
4. Закатова Н. А. Песенная культура северной части волго-терешанского междуречья саратовского Поволжья: формирование и бытование традиции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. 2. С. 69-71.
5. Зеленин Д. К. О ходе дальнейшей русской колонизации в Вятский край // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901-1913 гг. М.: Индрик, 1994. С. 151-163.
6. Иванова Н. П. Свадебная традиция удмуртов бассейна реки Вала: дисс. ... к искусствоведению. М., 2004. 166 с.
7. Квитка К. В. Вступительные замечания к музыкально-этнографическим исследованиям // Квитка К. В. Избранные труды. М., 1973. Т. 2. С. 3-29.
8. Нуриева И. М. Удмуртская традиционная песня в творчестве композиторов Удмуртии: взгляд фольклориста // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. 1. С. 148-150.
9. Хохлачёва М. В. Музыкальный код саратовского свадебного обряда на примере песен северной зоны приволжской возвышенности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. 3. С. 197-200.
10. Хохлачева М. В. Формулы музыкально-слогового ритма в свадебных песнях саратовского Поволжья. Территориальные параллели и вероятные исторические истоки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. 2. С. 191-195.

**INTERETHNIC RELATIONS IN THE RUSSIAN WEDDING CEREMONY
WITHIN THE TERRITORY OF THE MIDDLE KAMA REGION**

Boldyreva Vera Geolenovna

*Udmurt State University
bold@udm.ru*

The article undertakes an attempt to consider the features of the Russian wedding ceremony within the territory of the Middle Kama region in terms of interethnic relations. The influence of the Udmurt environment on the Russian culture has not yet drawn the attention of researchers. The results of the comparative analysis of the Russian and Udmurt wedding ceremonies lead to some conclusions on this issue at the level of general laws, among which is the action of two mechanisms – the stabilizing influence of the Finno-Ugric environment on the Russian folk tradition and the actualization of archaic motives that manifests itself in the action, object-attributive, verbal and musical performance codes of the ceremony.

Key words and phrases: the Middle Kama region; the Russian wedding tradition; inter-ethnic relations; actualization of archaic motives; codes of ceremony; types of versification; forms of melody.

УДК 130.2

Философские науки

В статье объектом исследования выступает эзотерическое знание современной культуры. Предпринята попытка обосновать роль и формы проявления эзотерической традиции в культуре. Для этого автор прибегает к анализу эзотерического знания в качестве специфического знания, с одной стороны, отражающего чувственное, эмоциональное восприятие реальности человеком современной культуры, с другой стороны, способствующего осуществлению компенсаторной функции культуры.

Ключевые слова и фразы: эзотерическое знание; человек; культура; эмоциональное напряжение; восприятие; реальность; переживание.

Борисова Юлия Викторовна

*Волгоградский государственный технический университет
juliette.b@bk.ru*

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ РЕАЛЬНОСТИ В ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ®

Современное эзотерическое знание получило достаточно широкое распространение в литературных текстах, музыке, художественном искусстве. Оно глубоко проникло в сознание человека западной культуры, став неотъемлемой частью мышления современного человека. Подобная эзотерическая «экспансия» вызывает среди ученых